

**Военные
Приключения**

Иллюзия жизни

МИХАИЛ ЧЕРНЕНКО

Военные приключения

Михаил Черненко

Иллюзия жизни

«ВЕЧЕ»

2002

Черненко М. Я.

Иллюзия жизни / М. Я. Черненко — «ВЕЧЕ», 2002 — (Военные приключения)

ISBN 978-5-4444-9121-8

«Тойота» догорала в березовом подлеске за кладбищенской оградой. Передние дверцы автомашины с обеих сторон были распахнуты, а заднюю часть ее разворотило на две половины, видимо, взорвавшимися в топливном баке парами бензина. За рулем автомобиля скрючился в неестественной позе обугленный труп... Такую безрадостную картину увидели участники следственно-оперативной группы во главе с районным прокурором Антоном Бирюковым, приехавшие к месту происшествия.

ISBN 978-5-4444-9121-8

© Черненко М. Я., 2002

© ВЕЧЕ, 2002

Содержание

Глава I	6
Глава II	11
Глава III	14
Глава IV	18
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	29
Глава VIII	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Михаил Черненко

Иллюзия жизни

© Черненко М.Я., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2017

Сайт издательства www.veche.ru

* * *

Глава I

После затяжной трескучей грозы с проливным дождем майский вечер выдался на удивление ясным, как в песне: «И солнце всходило, и радуга цвела». Грозовой ливень основательно прополоскал надгробия на обширном кладбище, расположенном в двух километрах от окраины райцентра, и теперь памятники людской скорби искрились капельками влаги, словно их обсыпали стеклянной крошкой. Над вечным покоем царило сизоватое марево. В свежий, отдающий сыростью запах молодой травы неприятно вплетался удушливый смрад жженой резины от чадающей струйками дыма легковой «тойоты», которая догорала в березовом подлеске за кладбищенской оградой. Передние дверцы автомашины с обеих сторон были распахнуты, а заднюю часть ее разворотило на две половины, видимо, взорвавшимися в топливном баке парами бензина. За рулем автомобиля скрючился в неестественной позе обугленный труп то ли подростка, то ли низкорослого мужчины.

Такую безрадостную картину увидели участники следственно-оперативной группы во главе с районным прокурором Антоном Бирюковым, приехавшие к месту происшествия после анонимного телефонного звонка в милицию. Оперуполномоченный уголовного розыска невысокий крепыш Слава Голубев, глядя на черный труп, мрачно проговорил:

– Вроде школьник какой-то сгорел...

Лысый флегматик судебно-медицинский эксперт Борис Медников, натягивая резиновые перчатки, тотчас спросил:

– Ты, опер, какого роста?

– Среднего, – ожидая подвоха, ответил Слава.

– С милицейской фуражкой и на высоких каблуках?

– Чистоганом, Боря.

– Так знай, сыщик... – Медников вздохнул. – Если тебя столь круто засмолить, то станешь похож на детсадовца. А этот «школьник» был ростом под метр семьдесят с гаком.

Стоявший возле них кладбищенский сторож – сутулый худой старик со сморщенным, словно печеное яблоко, небритым лицом испуганно огляделся. Поправив ворот замызганной, явно с чужого плеча камуфляжной куртки, он сиплым голосом поддержал судмедэксперта:

– Вы как в воду глядели. Погибший гражданин был далеко не школьного возраста и рост имел выше среднего. Я с ним немного познакомился.

– Что он здесь делал? – спросил прокурор Бирюков.

– Поминал дружка...

Сторож оказался разговорчивым, но туговатым на уши. По его словам, вскоре после полудня, когда на небе стали стучаться темно-лиловые гроззовые тучи, на кладбище состоялось захоронение. Едва катафалк и автобус с похоронной процессией уехали, в черной иномарке подкатил примерно сорокалетний скромно одетый мужчина со светлой, будто льняной, шевелюрой. Поставив автомашину на этом самом месте, где она сгорела, мужчина прошел к памятнику с фотографией молодого солдата, похороненного больше десяти лет назад. Увидев сторожа, подозвал его к себе и предложил помянуть друга. При этом немного поговорили. На просьбу Бирюкова – рассказать содержание того разговора – сторож поцарапал заскорузлыми пальцами белесую щетину на подбородке и вроде бы стал вспоминать:

– Содержательного в разговоре было мало. Мужчина перво-наперво предложил: «Батя, помяни цинкового мальчика». Чтобы поддержать беседу, я поинтересовался: «Кто это такой?» Он ответил: «Дружок детства. Погиб в Афганистане при выполнении интернационального долга. Сегодня ему исполнилось бы тридцать пять лет. Из них пятнадцать годиков он уже лежит здесь упакованным в цинковый ящик». «А вы кто будете?» Мужчина усмехнулся: «Непризнанный гений». И, как мне, глуховатому, показалось, назвался Федором Разиным. Насочинял, мол,

больше тысячи отличных стихов, но данный ему Богом талант теперь никому не нужен. После этого откупорил чекушку водки, налил полный пластмассовый стакашек и протянул мне. На закусь предложил банан. Пришлось отказаться. Я бананами не закусываю.

– Без закуски пить вредно, – громко сказал судмедэксперт.

Сторож смущенно кашлянул:

– Да, конечно, но это... от привычки зависит.

– Что дальше было? – спросил Бирюков.

– Ничего особого не было. Мужчина вновь накопил мне стакашек. Пришлось вдургорядь закусить, как говорится, рукавом. Тут он предложил послушать стихи, посвященные памяти друга, которые сочинил нынешней ночью. Я пояснил, что плоховато слышу. На это он сказал: «Ну иди отдыхай, батяня. Буду читать в одиночку».

– И вы ушли?

– Да, конечно, пошел... – старик показал на небольшой вагончик без колес у въезда на кладбище. – Там вон, в сторожке, прилег на топчан подремать. Очнулся от забарабанившего по крыше дождя, мигом перешедшего в ливень. Из интереса глянул в оконце и увидел, как угощавший меня мужчина, спасаясь от ливня, со всех ног драпанул к своей машине.

– Сильно он «напоминался»?

– Как сказать... В основном почти всю чекушку выпил я. На его душу пришлось не более пятидесяти граммук. От такой нормы не пристало ему вообще опьянеть... За короткий миг ливень обернулся форменным потопом. Заполыхали молнии, и так гулко загромыхало, что я, считай, совсем оглох.

– От чего машина загорелась?

– Возможно, ошибаюсь, но мне почудилось, что одновременно с громовым раскатом молния так хлестко врезалась в машину, что та сразу огненной свечкой вспыхнула.

– Топливный бак взорвался?

– Нет, взрыв бабахнул позднее, когда пламя забушевало во всю ивановскую.

– В это время вблизи кладбища были люди?

– Перед грозой в подлеске, за иномаркой, бродил какой-то мужик с великом и рюкзаком за плечами. Потом как-то незаметно куда-то пропал.

– Что он там делал?

– Наверно, полевой чеснок собирал, а может, траву жал для кроликов.

– И больше никого не было?

– Нет. Обычно здесь посетители толкуются постоянно. Одни приходят усопших родственников помянуть, другие – могилки подправить. Еще в последнее время от хулиганистой шпаны отбоя не стало. Поводились, варвары, срывать с памятников медные таблички да алюминиевое литье для сдачи в металлолом. Сегодня же, видать, надвигавшаяся гроза отпугнула народ.

Бирюков показал на примятую возле догорающей «тойоты» траву, затем на продавленный широкими автомобильными колесами след, который направлялся из подлеска к щебеночной дороге, и сказал:

– По-моему, здесь еще кто-то был...

– Тут часто автомашины останавливаются, – быстро ответил сторож. – Может, это раньше проехали.

– След совсем свежий.

Старик наморщил и без того морщинистый лоб. Поколебавшись несколько секунд, согласился:

– Да, конечно, следок почти тепленький. Наверно, какой-то проезжий шофер, заведя пожар, из любопытства сюда подворачивал.

– Много их было, проезжих?

– Раз, два – и обчелся. Вскоре после того, как эта машина загорелась, по щебенке к райцентру промчался черный заграничный автомобиль наподобие нашенского газика. Следом за ним, чуток позднее, проколотил забрызганный грязью красный «запорожец».

Никакой связи этих автомашин с пожаром «тойоты» сторож не усматривал. После уточняющих вопросов Бирюкова старик сказал, что черный автомобиль он увидел лишь тогда, когда тот промелькнул по дороге мимо сторожки, а красную легковушку разглядел издали. Выехал «запорожский казачок» из леса. Напротив горевшей «тойоты» на минутку тормознул. В это время взорвался бензобак, и «запорожец», будто ошпаренный, изо всех силенок газанул к райцентру.

– В том, что это был именно «запорожец», не сомневаетесь? – спросил Бирюков.

– Совсем не сумлеваюсь. Я же бывший автослесарь. Да и у моего сына такой же марки автомобильчик, только зеленого цвета. И белых полосок у него нету.

– Что за полоски?

– Ну, у этого, у красного «казачка», на заднем стекле были две белые полосы: одна – вверху стекла, другая – понизу. Для чего они, я не понял.

– Номерные знаки не разглядели?

– Какие там знаки! Весь обляпался грязью, лишь обмытая ливнем крыша краснела.

– Вы не звонили о пожаре в милицию?

Сторож откровенно удивился:

– А откуда мне было звонить?.. Телефона в моем распоряжении не имеется.

Бирюков посмотрел на Голубева:

– Пока следователь и эксперты будут осматривать место происшествия, сходи со сторожем к могиле, где потерпевший поминал друга. Посмотри, не осталось ли там чего-либо существенного.

Голубев понимающе кивнул. Через несколько минут, уверенно лавируя между металлическими оградками скученных могил, сторож привел Славу к покрашенной серебрянкой жестяной пирамидке с красной звездочкой на вершине. С овальной фотографии на эмалевой табличке, прикрепленной к памятнику, смотрел юный паренек в форме десантника. Подпись под фотографией извещала, что Кузуров Валерий Николаевич прожил на этом свете всего-то около двадцати лет. На могильном холмике в стеклянной пол-литровой банке стоял букетик медуниц с мелкими фиолетовыми цветками. Возле скамейки у небольшого квадратного столика валялись пустая водочная четвертинка с наклейкой «Столичная», пластмассовый белый стаканчик и кожура от двух бананов.

– Вот тут состоялся помин, – сипловато сказал сторож.

– Уточните подробности поминального разговора, – попросил Голубев.

– Я, кажись, все подробным образом изложил прокурору. Чего еще надо?

– Скажем, как «непризнанный гений» назвал себя?

– Так прямо и заявил: «Непризнанный гений Федор Разин».

– Это точно?

Сторож замялся:

– Фамилию внятно я не расслышал. Возможно, Дразин или что-то подобное. Уточнять постеснялся. Да, прямо говоря, и ни к чему мне были подробные уточнения.

Слава взглядом указал на фиолетовый букетик:

– Медунки он принес?

– Да, конечно. При мне ставил цветочки в банку.

Голубев медленно прошелся вокруг могилки. Под ногами в траве хлюпала вода. Обнаружить какие-либо следы или отпечатки пальцев на четвертинке и пластмассовом стаканчике при такой сырости было невозможно. Их замыл грозовой ливень. Из дальнейшего разговора Слава узнал, что сторожа попросту все называют Митей, а по паспорту он Митрофан Семено-

вич Чибисов. Возраст его шестьдесят пять лет. До пенсии слесарил в автохозяйстве. Последнюю пятилетку «давит топчан в кладбищенской сторожке». Выпивает практически каждый день, так как по христианскому обычаю грешно отказываться от помина усопших душ. Однако чересчур алкоголем не злоупотребляет и сторожевую службу несет исправно. Проблема в этой службе лишь одна: трудно остановить варварские ночные набеги молодых балбесов, похищающих цветные металлы с надгробий. Связываться с ними опасно – могут запросто упокоить. И вообще, по мнению Чибисова, современная молодежь распоясалась хуже некуда. Пить спиртное, курить и наркоманить начинают в школьные годы. От этого гибнут и душой, и телом на корню. Нынче на этом вот кладбище уже похоронили троих молоденьких пареньков, окочурившихся от передозировки героина. Девчонки тоже безобразничают. К примеру, его собственная внучка Тамарка еще до совершеннолетия сбежала от родителей в Новосибирск и пятый год болтается там без работы, как портянка в проруби...

Стараясь не отвлекаться на общие рассуждения, Голубев повернул разговор к интересующему его делу. К рассказанному ранее сторож, нахмуренно помолчав, вдруг добавил:

– Не могу утверждать определенно, но чудится мне, будто, когда Федор, спасаясь от ливня, прибежал к своей иномарке, там маячили два человека.

– Как они выглядели? – мигом ухватился Слава.

– Один мужик толстого сложения, вроде беременной бабы. Другой – высоченный здоровяк.

– Как одеты были?

– Сквозь ливень не разглядел.

– Они там поджидали Федора?

– Бог их знает...

– И что дальше?

– Все трое разом скрылись с моих глаз. Тут сверкнула молния, а чуток спустя огненное пламя вспыхнуло и черный дым от иномарки повалил.

– Интересный факт.

– Сразу-то я умолчал об этом факте из опасения, как бы не наболтать чего попало. Теперь думаю, авось мое предположение окажет следствию помощь. Или зря сказал?

– Нет, не зря, – быстро ответил Слава и тут же спросил: – Федор не кричал?

– Никаких криков не слышно было. Ливень по крыше сильно молотил, да и раскаты грома оглушали. Вперившись глазами в пожарище, я, откровенно говоря, проморгал, откуда выкатился похожий на газик черный автомобиль, промчавшийся мимо моей сторожки...

Когда Голубев с Чибисовым вернулись к месту происшествия, обугленный труп уже извлекли из каркаса сгоревшей машины и завернули в брезент. Следователь Петр Лимакин, изредка переговариваясь с прокурором Бирюковым, писал протокол осмотра. Судмедэксперт Борис Медников частыми затяжками докуривал сигарету, а эксперт-криминалист Тимохина в форме майора милиции, присев на корточки, фотографировала выпуклые цифры на обгоревшем госномере «тойоты». Около нее в раскрытом кофре лежала упакованная в прозрачный целлофановый пакет связка ключей: один – двухбородчатый, как от гаражного замка, два других – плоские, похоже, автомобильный и от квартиры.

– Лена, что за ключики? – спросил Голубев.

– В траве возле «тойоты» нашли, – ответила Тимохина.

– Что еще отыскиали?

– Обгоревшую десятилитровую канистру из-под бензина да метровый кусок металлической арматуры толщиной в три пальца.

– И все?

– К сожалению, Славочка, все.

Голубев вздохнул:

– Не густо...

Глава II

Люминесцентные лампы заполняли прокурорский кабинет холодным мертвенным светом. Угасший майский день давно погрузился в плотные сумерки, но участники следственно-оперативной группы, словно забыв о времени, продолжали дотошно анализировать скудные факты случившегося происшествия. В том, что ЧП выпало далеко неординарное, сомнений ни у кого не было. Значит, для его раскрытия придется потратить уйму сил, смекалки и времени. Это угнетало. Тем более что первоначальные сведения были довольно скудными. Заклучались они всего-то в свидетельских показаниях кладбищенского сторожа, который не столько утверждал, сколько лишь предполагал. Мало ли что могло почудиться старику после поминок без закуски.

Антон Бирюков обвел взглядом хмурые лица присутствующих и спросил:

– Итак, друзья, на чем остановимся?..

Первым, как всегда, отозвался Слава Голубев:

– Хочешь не хочешь, Антон Игнатьич, а придется первоначально отрабатывать версию «Умышленное убийство и поджог машины с целью сокрытия следов преступления». Тут сразу возникает заковыка с установлением личности потерпевшего. По словам сторожа, на поминках он назвался Федором Разиным. Возможно, Дразиным, но, по справке ГИБДД, сгоревшая «тойота» принадлежала тридцатипятилетнему Георгию Васильевичу Царькову, проживающему в райцентре по улице Кедровой. Спрашивается: с какой стати «непризнанный гений» катался в чужой машине?

– Наверное, по доверенности, – сказал следователь Лимакин и продолжил: – В телефонном справочнике райцентра есть двое Царьковых. Царьков Г.В. действительно проживает на Кедровой, а Царькова С.М. – на улице Гражданской. Я пытался дозвониться до них, однако оба телефона упорно молчат, хотя гудки вызова идут исправно. Ни Разина, ни Дразина в телефонном справочнике нет. Завтра нужно поискать его через паспортную службу милиции. – Лимакин встретился взглядом с Голубевым. – Придется, Слава, тебе этим заняться.

Голубев шутливо нахмурился:

– Вы, гражданин следователь, без меня, как без рук.

– Скорее как без ног. Ты же оперативник, тебя ноги кормят, – миролюбиво ответил Лимакин.

– Поддерживаешь мою версию?

– На иную пока намека нет. Находящиеся возле леса автомобили от молнии свечкой не вспыхивают. – Следователь глянул на эксперта-криминалиста. – Так ведь, Лен?..

Тимохина утвердительно наклонила голову:

– Судя по обугленному до костей трупу и выгоревшему дотла салону «тойоты», в нее перед тем, как поджечь, влили не меньше десяти литров бензина. Поэтому она и вспыхнула свечкой.

– Лена, а что ты думаешь об автомобильном следе, который придавил траву от места происшествия до щебеночной дороги? – спросил Голубев.

– Лишь то, что принадлежит он импортному джипу.

– Наши отечественные ни УАЗ, ни «Нива» не подходят?

– Не подходят, Славочка. У них скаты намного уже импортных внедорожников.

– Что, по-твоему, может вывести нас на преступников?

Тимохина достала из кофра целлофановый пакет со связкой ключей. Положив его на столик перед Голубевым, сказала:

– Только вот это...

Голубев будто удивился:

– Смотри-ка, совсем не обгоревшие!
– Они в пяти метрах от «тойоты» в траве лежали.
– Интересно, кто их обронил: преступники или потерпевший?
– На этот вопрос, Славочка, постарайся ответить сам. Ты ведь у нас смекалистый опер.
Голубев наигранно вздохнул:
– Что вы будете делать, когда уйду на пенсию? Зачахнете без моей смекалки.
– Не покидай ты нас, голубчик... – с цыганским надрывом внезапно пропел молчавший до этого судмедэксперт.

Слава всплеснул руками:

– Какой талант прорезался! Пой, Боря, дальше, пой!

– Дальше слов не знаю, – буркнул Медников.

Бирюков улыбнулся:

– Задремал, доктор?

– Убаюкали мрачные рассуждения. Уж полночь близится, а истины все нет. Сказать хочу.

– Говори.

– София Михайловна Царькова с улицы Гражданской мне знакома. В прошлом году, замещая ушедшего в отпуск хирурга, я удалял ей воспалившийся аппендикс.

– Кто она?

– Весьма приятная молодая дама сексапильного дизайна.

– И только?

– Разве этого мало?

– Для полного впечатления маловато.

– Даю подробную ориентировку. Возраст чуть за тридцать. Умна и обаятельна. Закончила торговый институт. Успешно занимается бизнесом. Три года назад, когда киллеры застрелили райцентровского виноторговца Всеволода Красноперова, выкупила ставший бесхозным магазин и первым делом заменила длиннющую вывеску «Французские вина и коньяки» на лаконичную «Три мушкетера». Год спустя за бесценку приобрела на улице Гражданской избушку-развалюшку. На этой усадьбе отгрохала двухэтажный коттедж из красного шлифованного кирпича с колоннами, мраморными дорожками, сауной и другими надворными постройками похлеще, чем у нашего главы районной администрации. Мастерски управляет новейшим «мерседесом». С мужем, хотя неофициально разведена, поддерживает дружеские отношения.

– А кто этот муж? – вставил вопрос Лимакин. – Не владелец сгоревшей «тойоты» Георгий Васильевич Царьков?

– Чего не ведаю, о том умолчу.

– Почему развелись, тоже не знаешь?

– Я свататься к пациентке не собирался и в ее семейные нюансы не вникал. Сама София Михайловна на эту тему передо мной не исповедовалась. Правда, однажды, когда бывший супруг приволок ей огромный пакет с продуктами, которых на неделю хватило всей палате, смущенно сказала, что он – участник афганских событий советского периода. Был контужен и в последнее время у него «что-то с головой».

– Видел его?

– Мельком. Стройный кудрявый блондин, чем-то смахивающий на Сергея Есенина.

В разговор вмешался Голубев:

– По словам кладбищенского сторожа, «непризнанный гений», поминавший погибшего в Афгане друга, тоже был блондином, со «светлой, будто льняной, шевелюрой».

– Он не Царьковым назвался, а Разиным или Дразиным, – возразил Лимакин.

– Может, это его псевдоним?

– Под псевдонимом обычно прячутся халтурщики. Разин же считал себя гением.

– Да он из чувства юмора мог ляпнуть насчет гениальности. Постараюсь этот вопрос завтра выяснить.

– Обязательно выясни.

– Еще, Слава, надо срочно отыскать красный «запорожец» с двумя белыми полосками на заднем стекле, – сказал Бирюков. – Возможно, его водитель окажется более осведомленным свидетелем, чем кладбищенский сторож.

– На прошлой неделе этот «полосатик» минут двадцать мне глаза мозолил, – флегматично изрек Медников.

– Где?! – враз спросили Лимакин с Голубевым.

– В автомобильной очереди у железнодорожного переезда. Поехал на бензоколонку заправить свой жигуль и следом за красным «запорожцем» попал в затор. Пока ждал прохода товарняков в оба направления, любовался красивыми размашистыми надписями на продолговатых полосах ватмана, наклеенных на заднее стекло изнутри салона. На верхней полосе написано: «Удачи тебе, браток!», на нижней: «Вырасту – стану джипом».

Голубев оживился:

– Госномер «запорожца» не усек?

– Насчет номера, каюсь, сплеховал. Игривые надписи наизусть учил.

– За рулем кто сидел?

– Худощавый молодой паренек в джинсовой куртке и с аккуратно подстриженным затылком. Лицо, разумеется, сквозь затылок не разглядел.

– Волосы какие?

– Русые.

– Судя по надписям, с юмором парень.

– Похоже, что не зануда.

– Заключение медэкспертизы когда сделаешь? – спросил Бирюков.

– Завтра к полудню.

– Насколько, по-твоему, возможно опознание потерпевшего?

– Опознать его можно будет только с помощью компьютерного совмещения или по ДНК.

– Ох, это долгая песня, – вздохнул Голубев.

Судмедэксперт усмехнулся:

– Быстро, сыщик, только кошки плодятся, да и те слепые рождаются.

– Может, Боря, тебе что-нибудь известно об импортном джипе, который проехал от сгоревшей «тойоты» к щебеночной дороге? – не унимался Голубев. – Будь другом, скажи.

– Скажу. Ныне этих джипов развелось больше, чем налоговых инспекторов. – Медников посмотрел на часы. – Пора, дружки, расходиться, не то вместо позднего ужина придется рано завтракать.

– Пойдемте по домам, – поднимаясь из-за стола, сказал Бирюков. – Утро вечера мудренее.

Глава III

На следующий день спозаранку Голубев стал звонить Царьковым. Несмотря на настойчивые продолжительные зуммеры, ни один из телефонов не ответил. Когда терпение иссякло, Слава направился в паспортный стол. К его удивлению, жителей с фамилией Разин или Дразин в райцентре не оказалось. Ругнув в душе кладбищенского сторожа, который, по всей вероятности, из-за глухоты спутал фамилию «непризнанного гения», Голубев на всякий случай уточнил адреса Царьковых и решил сходить вначале к владельцу сгоревшей «тойоты» на улицу Кедровую. После, если того не окажется дома, наведаться к его однофамилице Софии Михайловне, проживающей по улице Гражданской. Чтобы согласовать свои действия со следователем, позвонил Лимакину. Следователь одобрил намеченный план и посоветовал прихватить с собой связку ключей, обнаруженных на месте происшествия. Вдруг, мол, окажется, что «тойота» в угоне, а какой-либо из ключиков подойдет к гаражному замку Царькова.

Кедровая оказалась тихой полусонной улочкой, застроенной, как по линейке, небогатыми бревенчатыми домами. Вопреки названию, на ней не было ни одного кедра. Вместо разлапистых сибирских великанов в некоторых палисадниках зеленели подрастающие елочки да сосенки. В придорожной мураве, выклеывая козявок, копошились суетливые воробьи. Тут же в поисках дармового питания лениво вышагивали голенастые бройлерные куры.

Пройдя добрую половину улицы, Слава остановился у приземистого старого пятистенника с выкрашенной ярко-красным суриком жестяной крышей. На низком, в две ступеньки, крыльце, свернувшись калачиком, дремал пушистый рыжий кот, а на входной двери домика висел большой амбарный замок. Такой же замчище украшал створчатые двери покрывшегося ржавчиной металлического гаража. Даже без примерки было ясно, что ни один из найденных возле сгоревшей «тойоты» ключей к таким запорам явно не подходит. Сонную тишину улицы внезапно нарушил строгий голос:

– Молодой человек, тебе что надо?

Голубев оглянулся. В ограде противоположной усадьбы, облокотившись на решетчатую калитку, стояла дородная пожилая женщина в длинном неопределенного цвета халате и сурово смотрела на него.

– Хотел поговорить с хозяином, да Георгия Васильевича вроде нет дома, – ответил Слава.

– Ну и нечего к его хозяйству приглядываться, – по-прежнему строго заговорила женщина. – Там уже все украдено. На прошлой неделе ночью разбойники уволокли последнюю алюминивую флягу, в какой Гоша воду от колонки возил.

Слава подошел к женщине. Улыбнувшись, сказал:

– Я из милиции.

– Почему не в милиционерской форме? – недоверчиво спросила женщина.

Пришлось показать служебное удостоверение. Лишь после внимательного изучения развернутых корочек женщина подобрела. Голос ее стал мягче:

– Извините, молодой человек. Облюбовали воры нашу улицу. Что ни ночь, то у кого-нибудь да что-нибудь утащат. Особо алюминий воруют. Лично у меня, к слову сказать, из баньки ковшичек сперли и даже провололочные закрутки, какими поврежденные штакетины были укреплены, открутили. Пришлось гвоздями забор чинить.

– Автомашины не угоняют? – закинул удочку Слава.

– Пока Господь миловал. Да у нас тут всего-то две машины на пятьдесят дворов. У Гоши Царькова – дорогая, японская. А у его соседа, старика Андрияна Пахомова, так себе... собранный из утиля москвичонок.

– Когда Царьков бывает дома?

– Постоянно домоседничает.

– Но сегодня нет. И телефон его со вчерашнего вечера не отвечает.

Женщина пожала плечами:

– Позапрошлой ночью я почти не спала. Раз по разу вскакивала. Мерещилось, будто воры во дворе шарятся. Все окошки проглядела. У Гоши до утра свет горел. Наверно, стихи сочинял. Он постоянно по ночам сочиняет. Вчера его видела. Часа за два до грозы на своей черной японке куда-то поехал. Возвратился или нет из той поездки, не знаю.

– Где он работает?

– Нигде. Военную пенсию получает по ранению. После десятилетки не сумел поступить в институт и загремел в армию. Попал в такую часть, которую из Сибири отправили воевать в проклятый Афганистан. Там он перед концом службы получил сильную контузию. Рассказывал, будто взрывом бомбы так припечатало к каменной скале, что голова чудом не разлетелась вдребезги. Больше года от него не было никаких вестей. Нина Сергеевна – мать Гоши, царство ей небесное, – куда только не писала! И в воинскую часть, и в Министерство обороны – отовсюду молчок. Совсем отчаявшись, она заказала сорокоуст во всех российских монастырях, какие тогда существовали. Отправила им денежные переводы: кому – рубль, кому – два, кому – пятерку. То ли монашеские молитвы помогли, то ли военные хирурги постарались, но Гоша выжил и вернулся домой хотя и с инвалидностью, но вполне нормальным парнем. Оказывается, чтобы укрепить порушенный затылок, ему зашили в голову пластинку из очень прочного металла.

– На умственных способностях это не отразилось? – спросил Голубев.

– Нисколько! Знаю его с пеленок. Каким разговорчивым шустряком был, таким и остался. В первый же год после демобилизации поступил в железнодорожный институт, но быстро бросил учебу.

– Почему?

– Говорил, разочаровался в выбранной специальности. Дескать, от природы имеет талант сочинять стихи. Не хочу опровергать такое заявление, но, по моим мыслям, причина кроется в другом.

– В чем именно?

– Когда Гоша ушел из института, бушевал самый разгар перестроечной заварухи. Прихватизировали кто что может. Спекуляцию узаконили. Книжки какие попало разрешили печатать за свой счет. Вот Гоша и клюнул на эту приманку. Сначала торговлей занимался. Потом, как блины, стал стряпать стишки. Считай, всю избу и сараюшку до потолка завалил книжками. И все не унимается. Как одержимый, дни и ночи напролет строчит, строчит. Из-за этого и жена от него ушла.

– На ком он был женат?

– На Сонечке Царьковой.

– Это она построила на улице Гражданской двухэтажный дворец?

– Она, София Михайловна. Очень милая да терпеливая женщина, но и у нее в конце концов нервы лопнули. К слову сказать, при бракосочетании Гоша записался на фамилию жены. До женитьбы он был Поносов. В школе над ним посмеивались. С первого класса приклеили прозвище Понос.

– Книжки под какой фамилией он выпускает?

– На корочках и на первых листах всегда печатается «Георгий Царьков». Ниже разные названия бывают. Портрет в каждой книжке обязательно.

– И много у него книжек?

– Складывать уже некуда.

– Имею в виду разные названия.

– Разных полдесятка, наверное, наберется.

– Под именем «Федор Разин» или что-то в этом роде ни одной нет?

– Нету. Царской фамилии Гоша не стесняется.

– А непризнанным гением себя не называл?

– Не слышала такого. Недавно вроде с досады пожаловался, будто угнетает его ничтожность жизни. Я удивилась: «Ты что это раскис?» Он горько вздохнул: «Не могу, Матрена Фроловна, найти ответы на проклятые вопросы: кто я, что я, зачем и кем вызван к жизни, в чем мое предназначение?» Гоша всегда называет меня по имени-отчеству. А Сонечка, словно родная, кличет просто «тетя Мотя». До слез жалко мне Сонечку. И внешностью удалась на загляденье, и умом, и хозяйственной сноровкой, а вот в семейной жизни не повезло. Влюбилась, что ли, она в Гошу безоглядно? Давно живут врознь, но Соня по-прежнему заботится о Гоше, как о родном. Постоянно загружает его холодильник продуктами под завязку, чтобы не голодал бывший муженек...

Заговорив о Царьковой, тетя Мотя так увлеклась, что предложила Славе присесть на лавочку перед палисадником и даже ни с того ни с сего назвала свою фамилию – Пешеходова. Когда уселись рядом, Слава, воспользовавшись паузой, спросил:

– Разве Георгий Васильевич сам не может позаботиться о себе любимом?

– Вот вы правильно сказали: «о себе любимом», – с ходу подхватила тетя Мотя. – Кроме себя, Гоша по-настоящему никого не любит. Единственный ребенок в семье с малых лет привык к постоянной заботе и вниманию родителей. И теперь чувствует себя большим ребенком, за которым нужен постоянный уход. Счет деньгам совсем не знает. Другим последнюю рубашку готов отдать.

– Много у него друзей?

– Приезжают откуда-то солидные ребята в заграничных машинах. С водочкой и закуской.

– Часто Царьков выпивает?

– Когда Соня с ним жила, в рот хмельного не брал. Стоило ей переехать в новый дом, Гоша стал ходить покачиваясь. Последнее время вроде перестал качаться.

– В райцентре с кем он дружит?

– Первейший друг у Гоши – сосед Андриян Петрович Пахомов. Иногда пьянчужки всякие к нему заглядывают, перехватить денжат без отдачи на бутылку. Часто школьники забегают. Гоша подписывает и дарит им свои книжки за спасибо.

– Где берет деньги на издание книг?

– Соня оплачивает. Она богато живет. Содержит винный магазин «Три богатыря».

– «Три мушкетера», – поправил Голубев.

Пешеходова махнула рукой:

– Я постоянно мушкетеров с богатырями путаю. Для меня они одно и то же. И тех и других по трое. Старик Пахомов смеется надо мной, а я все никак не могу их запомнить.

– Родители Георгия Васильевича живы?

– Умерли. Нину Сергеевну от переживаний за сына рак в могилу свел, а отец, Василий Константинович, раньше супруги от инфаркта скончался. Сонечка тоже круглая сирота.

– Она местная?

– Из Новосибирска. Познакомились, когда Гоша там учился. На загляденье приятная была парочка.

– В последнее время между ними конфликтов не было?

– И не могло быть. Соня почти месяц как уехала отдыхать на заграничный курорт. Может, от того, что давно ее не видел, Гоша заскучал основательно. Тут как-то зашел ко мне за домашним квасом. Осунувшийся, невеселый. На мой вопрос: «Заболел, Гошенька, что ли?» – поморщился: «В цейтноте нахожусь». Не поняла, спросила: «Что это такое?» – «Это, Матрена Фроловна, такая разновидность творческого запоя, когда сон пропадает». – «Так возьми да закодируйся». – «Кодирование – для алкоголиков. А я бессонницей страдаю». – «С чего так?». Усмехнулся: «С тоски, порожденной талантом и необъятными просторами родины». – «Навер-

ное, по Соне затосковал?» – «Нужен я ей, как зайцу колокольчик»... Со стороны, говорят, рассуждать легко, но, по моим наблюдениям, устал Гоша от сочинительства. Еще Андриян Пахомов донимает его критическими замечаниями. Башковитый старик! Годов уже за восемьдесят, а выглядит богатырем. Образование имеет, по ранешним меркам, церковно-приходское, но стихотворений помнит немыслимое количество. И высказываниями исторических мудрецов напичкан, как подсолнух семечками. Чего по жизни ни спроси, тут же вспомнит то библейское высказывание, то Наполеона, то других великих людей.

– Он может хоть что-то рассказать о Царькове?

– Как же не может, коли постоянно с Гошей судачит.

– Где его дом?

Пешеходова показала на продолговатый домик с застекленной верандой, соседствующий с царьковским пятистенником:

– Вон, рядом с усадьбой Гоши. Только щас вы с Андрияном не встретитесь. Старик раненько по утру укатил на «москвичонке» удить карасей. Вернется не раньше обеденного времени.

Голубев посмотрел на часы – до обеда было еще далеко. Он хотел попрощаться с тетей Мотей, но та вдруг спросила:

– Что это милиция заинтересовалась Царьковым? Набедокурил Гоша чего?

– Вчера в грозу машина его сгорела, – уклончиво ответил Слава.

– О Господи!.. Сам-то жив остался или как?..

Пришлось вновь увильнуть:

– Пока не известно, выясняем обстоятельства пожара.

Глава IV

О том, что большая часть «ограниченного контингента» советских войск вернулась из Афганистана не только с физическими ранениями, но и с нарушенной психикой, Голубев знал давно. Выжившие из ума старцы брежневского политбюро, толкнувшие великую державу в заведомо проигрышную авантюру, не представляли, какую беду принесет многострадальной России их безумная затея. Невыносимый для северного человека афганский зной, заставлявший даже генералов подстригаться почти наголо, поднятый суховеями скрипучий песок на зубах, кровавые схватки с озверевшими до фанатизма душманами, беспредел отцов-командиров, водка и наркотики изуверчили души едва достигших совершеннолетия «интернационалистов». Уцелевшие в бессмысленной мясорубке защитники чужой «свободы» вернулись на Родину в разгар перестройки. Впавшее в перестроечную эйфорию Отечество бросило их на произвол судьбы. Наученные убивать, но не имеющие гражданской специальности парни оказались не у дел. Одни из них стали тихо спиваться, другие в поисках куска хлеба потянулись к криминальным группировкам, расплодившимся в ту пору, будто грибы после теплого дождя.

Анализируя рассказанное тетей Мотей Пешеходовой, Слава сделал вывод, что Георгий Васильевич Царьков – типичная жертва афганских событий. Вставленная хирургами в голову Гоши «пластинка из очень прочного металла» спасла ему жизнь, но не восстановила нарушенную психику. А поступки психически нездорового человека, как известно, не поддаются логическому осмыслению. Разгадать бредовый замысел не сможет никакой мудрец. На основании имеющейся информации о загадочном ЧП уверенно можно было утверждать лишь то, что у кладбища сгорела «тойота», принадлежавшая Георгию Васильевичу Царькову, и поминал погибшего в Афгане дружка не кто иной, как этот самый Царьков. Почему он назвался кладбищенскому сторожу Федором Разиным или Дразиным, казалось замысловатой загадкой. Какая необходимость заставила его скрыть от случайного собутыльника свое подлинное имя?..

Мучительно пытаясь разгадать непостижимое, Голубев вышел с улицы Кедровой к автобусной остановке. Одновременно с ним, визгнув тормозами, тут же остановился переполненный пассажирами маршрутный автобус. Решив доехать в удачно подвернувшемся транспорте до прокуратуры, Слава бросился к распахнувшейся со скрипом двери, протянул руку, чтобы ухватиться за поручень, но из автобуса прямо к нему в объятия буквально вывалился элегантно одетый Витя Синяков. Покрытое потной испариной красное, словно кумач, лицо известного в райцентре карманника было таким растерянным, что Слава мигом забыл о поездке. Изобразив неопишемую радость, он воскликнул:

- Какие люди в Голливуде!
- Здрасьте, – смущенно выдавил Синяков.
- Здорово, Витюшка. С удачей тебя.
- С какой?
- Из чужого кармана.
- Я давно завязал, Вячеслав Дмитрич.
- Не верю.

Синяков надушенным носовым платком вытер потное лицо и широко развел руки:

- Обыскивайте.

– Не буду, – Слава, проводив взглядом отъезжающий автобус, указал на пустующую в остановочном павильончике скамейку: – Присядем, обменяемся опытом творческой работы.

- Какое у нас с вами творчество?

– Ну как же. Ты – творец, я – критик. Преимущество на твоей стороне. Мне – хуже. Приходится осмысливать закрученные тобой сюжетные ходы.

- Да бросьте...

– Бросил бы, но не могу. Служба обязывает. Давно тебя не видел. Хочу узнать: как дела, как семья? Или опять на такие пустяковые вопросы ответишь по-русски: «Денег нет»?

– Есть деньги. И довольно чистые, отмывать не надо.

– Ответ, достойный делового человека...

В криминальных кругах райцентра Витя Синяков слыл самым фартовым специалистом по «карманной тяге». В отличие от измотанных наркотой «рукосуев», брезгливо именуемых в блатном мире щипачами, которые, добывая деньги на очередную дозу, сплошь да рядом теряют рассудок, щеголеватый красавец Синяк извлекал чужие кошельки так изящно, что никогда не засвечивался на месте преступления и не имел ни одной ходки на зону за рискованный карманный промысел. Еще Витя промышлял карточной игрой, где тоже был блестящим виртуозом и шутя обставлял всех райцентровских шулеров. Играл всегда на трезвую голову. Лишь однажды сел за картишки в изрядном подпитии и вляпался, мягко говоря, в несвойственное: не только проигрался до нитки, но и оказался втянутым в групповую кражу из коммерческой палатки. Оказавшись на скамье подсудимых, Синяков не стал изворачиваться и выгораживать подельников. Учитывая чистосердечное признание и первую судимость, суд определил Вите трехгодичное наказание условно. На вопрос судьи: согласен ли подсудимый с таким решением? – Витя, смущенно опустив глаза, тихо ответил: «Да, тюрьма не место для интеллигентного человека». С той поры прошло три года. За это время в райцентре Синякова никто не видал. До Славы Голубева доходил слухок, будто Витя окопался в Новосибирске и, неведомо на какие доходы, зажил там припеваючи. И вот неожиданно-негаданно его величество случай свел Славу с Витюшкой, что называется, лицом к лицу.

Голубев подождал, пока Синяков усядется рядом на скамейку, и спросил:

– Говоришь, завязал с чужими карманами?

– Капитально.

– Почему же из автобуса вывалился красный, как вареный рак?

– Едва не сорвался с тормозов, – Витя еще раз вытер лицо. – Представляешь, Вячеслав Дмитрич, на предыдущей остановке втиснулась в автобус роскошная телка. Достала, росомеха, из кожаной сумки кошелек, раскрыла его, чтобы расплатиться с кондукторшей, и я ахнул. Перед глазами зазеленело от тысячных купюр. Она что, думаю, издевается? А телушка вообще озверела. Расплатившись, сунула лопатник в сумку, даже не задернула на ней молнию и перекинула на ремешке за спину мне под правую руку. Не поверишь, чуть сердце не остановилось. В холодный пот бросило. Если б автобус не затормозил, рыдала бы безмозглая телушка над пустой сумкой. Старая привычка хлеще наркотика дает себя знать. С сегодняшнего дня закалялся в автобусах ездить. Боюсь, поддамся на провокации лохов. Понимаешь?

– Не понимаю, Витюшка. Откуда же у тебя чистые деньги?

– Играю.

– На нервах?

– В разных казино и в «Шарокатице».

– Казино – понятно, а «Шарокатица»?..

– Бильярдная так называется в здании новосибирского госцирка.

– И не проигрываешь?

– Проигрывает тот, кто отыгрывается. Я такой заразой не маюсь. Пока масть идет, беру взятки. Чую – паленым запахло, сразу шабашу и отваливаю в другую игральню. Все честно, без нарушения Уголовного кодекса.

– Навар как?

– Неплохо. Двухкомнатную квартиру с евроремонтом и козырной мебелью на Красном проспекте купил, пару тачек имею. Новую «вольво» и подержанный «запорожец».

– Зачем тебе две машины?

– Одному зомби, который вечно отыгрывается, одолжил двести баксов. Отдавать невезучему фраеру нечем. Навязал мне «запорожца». Пришлось взять. На днях пригнал его к мамке. Пусть у нее во дворе постоит, авось пригодится.

Славу будто кольнуло:

– «Запорожец» красного цвета?

– Угу.

– На заднем стекле две белые полосы. На верхней написано: «Удачи тебе, браток!», на нижней: «Вырасту – стану джипом». Правильно говорю?

– Правильно.

– Зачем написал?

– Надписи сделал прежний хозяин. Для хохмы не стал отклеивать. Мне они не мешают. – Синяков с упреком посмотрел на Голубева. – Чего попусту придираетесь?

– Не придираюсь, Витюшка, осмысливаю: почему ты при наличии собственного транспорта поехал сегодня в переполненном автобусе?

– Да потому, что вчера колесо проколол, а запаски не имею. Решил вот заглянуть в авто-сервис, чтобы уговорить знакомого механика сделать ремонт на дому.

– Сам не в состоянии справиться с таким пустяком?

Витя пошевелил ухоженными длинными пальцами:

– Руки берегу.

– С такими пальчиками мог бы стать классным пианистом.

– Пацаном до слез просился в музыкальную школу, да мамка работала техничкой. Лишних денег не имела, чтобы оплачивать мою прихоть.

– И ты решил добывать деньги криминальным путем?

– От судьбы не уйдешь. Считается, что свободной воли у человека только тридцать процентов. Остальное диктуют звезды. Каждый выполняет свою кармическую задачу.

– Интересная теория... На звезды, Витюшка, надейся, но сам не плошай. Если второй раз окажешься на скамье подсудимых, вместо условного срока получишь безусловный.

– Тогда я по пьяни засыпался. Теперь не пью.

– Скучно, наверно, без выпивки?

– Ничего, привык. Я ведь по Новосибирску постоянно в машине езжу. Когда учился в автошколе, чтобы получить права, инструктор по вождению нам всем строго наказывал: «Не верьте жене и тормозам, не мешайте водку с портвейном, а за рулем вообще не пейте». Этот наказ соблюдаю свято.

Голубев посмотрел в настороженные карие глаза Синякова:

– Куда ты вчера ездил, когда колесо у «запорожца» проколол?

– Колесо прокололось почти у дома, а ездил в лес.

– Подышать свежим воздухом?

– Теперь весна, авитаминоз. Мамке захотелось свежей черемши. За кладбищем, в лесочке, есть поляна, где этот полевой дар растет. Туда и катался.

– Один там был?

– Еще какой-то молчаливый пожилой мужик с велосипедом подножный корм собирал. По-моему, он то ли в большой рюкзак, то ли в мешок черемшу складывал.

– А у кладбища в грозу чего ты останавливался?

Синяков удивленно вскинул брови:

– Вы пасли меня?

– Витюшка, уголовный розыск не имеет никакого отношения к животноводству и я не пастухом служу. Отвечай прямо: из каких соображений тормознулся у кладбища?

– Хотел посмотреть, как чья-то иномарка пламенем пылала.

– Не знаешь, кто ее поджег?

– Поджигателей не видел, однако по тому, как от полыхающего костра прытко отвалил черный джип, можно смикитить, что между братвой состоялась крутая разборка.

– Кто с кем, по-твоему, разбирались?

– Давно не корефаню с местными братками и не знаю, каким дымом теперь в райцентре пахнет.

– В милицию не ты звонил о пожаре?

– Я.

– С какого телефона?

– По мобильнику набрал ноль-два. Называться не стал, чтобы в дураки-свидетели не привлекли.

– У тебя и мобильник есть?

– У меня, Вячеслав Дмитрич, теперь есть все, что необходимо холостяку с чистой совестью.

– Блефуешь или действительно богат?

– Нынче, при бессовестном ограблении страны олигархами, богатство – понятие относительное. По сравнению с новосибирскими тузами я – бедняк, по райцентровским меркам – богач.

– С новосибирской братвой не тусуешься?

– Необходимости в этом нет.

Голубев смерил взглядом новенький светло-серый искрящийся костюм Синякова и вдруг вспомнил ветхую избушку Витиной родительницы на окраине райцентра. Осененный внезапной мыслью, быстро спросил:

– Твоя маманя на какой улице теперь живет?

– Там же, где раньше жила, на Гражданской. Только в другом домике.

– Старую избу продала?

– Прдала. На месте той халупы теперь двухэтажный терем стоит. Бизнесменша Царькова выкупила нашу усадьбу.

– Знаешь Софию Михайловну?

– Естественно. Сам заключал с ней договор купли-продажи.

– Как она, на твой взгляд?

– Клевая киска. Не толстая, но с аргументами. И с мозгами. Больше сказать не могу, в карты с ней не играл.

– А с ее бывшим мужем?

– Гоша – бзикнутый чудик. Пытался разгадать мой способ игры. Пришлось объяснить ему, что главное в картежной игре – ловкость рук и никакого мошенства.

– И все?

– Еще просил подыскать бескорыстного спонсора для издания новой книги стихов. Я отсоветовал.

– Почему?

– Думать о бескорыстии нынешних спонсоров, Вячеслав Дмитрич, так же смешно, как сетовать на недостаток молока от мертвого быка.

– Давно последний раз видел Царькова?

– Не далее как позавчера приезжал ко мне со слезами. Жалобился, мол, погибшего в Афганистане корефана помянуть не на что. Дескать, Сонька Золотая Ручка упорхнула в солнечную Грецию, и теперь без нее хоть топись, хоть вешайся. Из сострадания к погибшему другу кинул Гошеньке столык.

– Не знаешь, из-за чего семейная жизнь Царьковых развалилась?

– По наблюдениям со стороны, у них была не жизнь, а тоска – мухи дохнут. Михайловне нужен супруг под стать ей: умный и деловой. А одержимый стихами Гоша похож на... чудо в перьях.

– Царьков не называл себя Федором Разиным?

– Белены он объелся, что ли?

– Вчера перед грозой, поминая на кладбище друга, закусывал не беленой, а бананом, но почему-то назвался кладбищенскому сторожу непризнанным гением Федором Разиным. Или Дразиным – сторож толком не расслышал.

– Бредит тот сторожила, как сивая лошадь. Гоша постоянно твердит, что он – талантливый поэт и никакими кликухами не прикрывается. – Синяков, словно спохватившись, уставился Голубеву в глаза. – Это Гошина «тойота» у кладбища сгорела, да?

– Его.

– И сам Гоша погорел?

– Самого по обугленным костям опознать трудно, – не стал скрывать Слава.

Розовое чисто выбритое лицо Синякова покривилось в болезненной гримасе. На какое-то время Витя словно потерял дар речи.

– Цирк с конями... – наконец тихо проговорил он и гневно завозмущался: – Бесконтрольная братва распоясалась хуже итальянской мафии! Зря в России вышку замораторили. Торгующие смертью жить не должны!..

– Остынь, Витюшка, – спокойно сказал Голубев. – Чего раскипятился, будто сам в замазке?

Гневный запал Синякова тут же погас. Лицо его сделалось скорбным. Витя опустил взгляд на сцепленные в пальцах руки и заговорил вроде как с обидой:

– Не гневи Бога, Вячеслав Дмитрич. После тухлой замазки трехгодичной давности я зарок себе дал, что никогда больше не буду ввязываться в групповухи. Есть же хорошая пословица: «Что знают двое, то знает и свинья». В этом я убедился на собственном опыте. Да и отношения с Царьковым у меня были без напряжения, чтобы забивать с ним стрелку для сведения каких-то счетов.

– А с кем у него был напряг? – спросил Слава.

– Клянусь, не в курсе. Последние три года я появляюсь в райцентре, когда мамке надо помочь. Прежних связей не поддерживаю, на глаза ментам не лезу и никакой информации о криминальной паутине, естественно, не имею.

– Даже предположительно ничего не можешь сказать?

– Не могу, не знаю.

– Есть деловое предложение... – внезапно сказал Голубев и сделал выжидательную паузу.

– Какое? – не выдержав затяжного молчания, спросил Синяков.

– Прозондируй у братвы, что за душегубы появились в райцентре. Раньше у нас таких не было.

Брови Синякова нахмурились, а взгляд ускользнул в сторону.

– Не обижайтесь, Вячеслав Дмитрич, но в азартную игру под названием «Стукач» я не играю, – сухо проговорил Витя. – Во-первых, она из разряда шулерских, во-вторых, опасна для жизни. Братки мочат стукачей безжалостно.

– Трусишь?

– Нет, берегу собственную голову.

– Ну что ж, Витюшка... Как говорят умные люди, на нет и суда нет, – завершил разговор Слава и, пожав Синякову кисть руки, поднялся со скамейки.

Синяков проводил его долгим взглядом. Заметив подъезжающий к остановке автобус, будто испугавшись, вскочил на ноги и торопливо зашагал по направлению к автосервису.

Глава V

Несмотря на сильное повреждение трупа огнем, Борису Медникову удалось установить, что смерть потерпевшего наступила до пожара от кровоизлияния при переломе шейных позвонков с разрывом позвоночной артерии в результате сильного удара тупым предметом по задней поверхности шеи. В качестве орудия убийства был использован толстый металлический прут, обнаруженный на месте происшествия. Убийцы затолкали мертвое тело в автомобиль и, облив бензином, подожгли.

Антон Бирюков, прочитав заключительную часть экспертизы, посмотрел на сидевшего в его кабинете судмедэксперта и спросил:

– Борис, о титановой пластине в затылочной части черепа потерпевшего что скажешь?

– Это заживленная травма примерно пятнадцатилетней давности, – ответил Медников. – Иными словами, в молодом возрасте парень перенес сложнейшую трепанацию черепа.

– Теперь сколько ему лет?

– Около тридцати пяти.

Бирюков посмотрел на сидевшего рядом с Медниковым следователя Лимакина:

– Совпадает с возрастом Георгия Васильевича Царькова, владельца сгоревшей «тойоты».

– Совершенно верно, Антон Игнатьевич, – подтвердил следователь. – По всей вероятности, вместе с машиной сгорел и хозяин...

Едва начавшийся разговор прервал внезапно вошедший в кабинет Слава Голубев. Привычной скороговоркой бросив короткое «Здрав-желаю!», он с ходу плюхнулся на стул и командным тоном будто приказал:

– Докладывайте, коллеги, чем занимаетесь?

– По-крупному выиграл в бинго-шоу? – усмехнувшись, спросил Лимакин.

– Дуркует опер, – буркнул Медников.

Голубев повернулся к нему:

– Спокойно, эскулап, без дураков. Могу через суд привлечь к ответственности за оскорбление.

– Диагноз оскорблением не является.

– Успокойтесь, друзья, – сказал Бирюков. – Давайте говорить по делу.

– Дельце, Игнатьич, на этот раз нам выпало – печальней некуда, – живо отозвался Голубев и покосился на судмедэксперта. – Какую сказку эскулап написал?

Бирюков подал ему заключение экспертизы. Пробежав сосредоточенным взглядом машинописный текст, Слава воскликнул:

– Все ясно! В своей «тойоте» сгорел Гоша Царьков. Он с афганской войны носил в затылке металлическую пластину.

Вернув заключение Бирюкову, Голубев стал подробно рассказывать о своем разговоре с тетей Мотей Пешеходовой, затем – с Витей Синяковым. Когда он умолк, Бирюков сказал:

– Давно я не слышал о карманнике Синякове.

– Витюшка утверждает, что перестал чистить чужие карманы. Перешел на легальный бизнес: играет в казино и в бильярдной. Там к уголовной ответственности не привлекают. Разве только канделябрами могут побить шулера.

– На всех мошенников канделябров не хватит, – усмехнулся Лимакин.

– Это, Петя, не наша проблема, – Голубев наморщил лоб. – Лично меня в данный момент беспокоит назойливый вопрос: из какой корысти Царьков назвался Федором Разиным? Кладбищенский сторож вроде бы не финтил. И о черном джипе, и о Витюшкином красном «запорожце» с белыми полосками правдиво сказал, а вот насчет Федора Разина какую-то шараду

выдал... – Слава обратился к судмедэксперту: – Может, у Царькова сдвиг по фазе во время поминок произошел или что-то другое?

Медников с прищуром посмотрел на Голубева:

– Ты предпочитаешь писать карандашом или на бумаге?

– Не понял твоего вопроса.

– А свой понимаешь? По трупу, сыщик, невозможно определить, какие мысли одолевали человека накануне смерти.

– Я думал, ты хотя бы предположительно скажешь.

– Предполагать можно что угодно, но пользы от этого мало.

– Ладно, Боря, замнем для ясности... Сегодня еще раз сгоняю на Кедровую и душевно побеседую с ветераном Пахомовым, который, по словам Пешеходовой, знает Царькова лучше, чем она.

– Как зовут этого Пахомова? – заинтересовался Бирюков.

– Андриян Петрович.

– Так это же мой земляк, из Березовки. Когда я учился в школе, он заведовал колхозной зерносушилкой. После выхода на пенсию Андриян переехал жить в райцентр. Интересный старик. В механических делах – мастер золотые руки и в поэзии большой дока. Его стихи публиковались в районной газете. Даже в журнале «Сибирские огни» несколько стихов было напечатано. Из Новосибирска к нему приезжали профессиональные поэты. Петрович их в школу приводил. Такой вечер поэзии закатили, что из наших школяров, пожалуй, один я не увлекся сочинительством.

– Тяму не хватило? – с серьезным видом спросил Медников.

– Не хватило, Борис. Не тянуло меня в поэтические небеса, считал, что лучше...

– ...иметь синицу в руках, чем утку под кроватью? – снова ввинтил вопрос судмедэксперт.

– Лучше заниматься тем делом, которое получается, чем витать в несбыточных мечтах, – улыбнувшись, сказал Бирюков и обратился к Голубеву: – При встрече с Пахомовым обязательно передай ему мой привет.

– Он не навешает лапши на уши? – спросил Слава.

– Гляди в оба. Петрович – старик умный, наблюдательный, но любит пофилософствовать и покритиковать все на свете.

– Ты, Слава, при встрече с Пахомовым сосредоточься на выяснении друзей Царькова, – сказал следователь. – Возможно, он увяз в долгах. Может, Пахомов знает, у кого и сколько денег брал Царьков. Характером Георгия Васильевича поинтересуйся. Выясни, не склонен ли он был к немотивированным скандалам или к драке.

– Все, Петя, сделаю по полной программе. Меня сильно интересует: почему молчит телефон Софии Михайловны? Не бросила же она свой дворец на произвол судьбы. Наверняка там кто-то живет.

– Я все-таки дозвонился до Царьковой. Ответила домработница. Судя по голосу, молодая и вежливая, но скрытная, как секретарша из фирмы с сомнительной репутацией. Лаконично сказала, что хозяйка вернется из Греции через неделю. Тогда со всеми вопросами надо обращаться лично к ней.

– Ты не напугал ее прокуратурой?

– Нет, не стал попусту представляться. Поручил участковому Кухнину, чтобы понаблюдал за дворцом.

– Может быть, лучше мне повидаться с «секретаршей»?

– Не надо прежде времени поднимать волны.

– Пожалуй, ты прав... Толя Кухнин – опытный участковый, не подведет. – Голубев достал из кармана связку ключей, найденных возле сгоревшей «тойоты», и показал их Бирюкову. – С этими ключиками, Игнатьич, что делать? Они не от замков Царькова.

– Пока положим их в сейф. Дальше – время покажет, – ответил Антон. – При беседе с Пахомовым учти, что Андриян Петрович не терпит категорических возражений. У него только два мнения: свое и неправильное.

– Учту, Игнатьич, спасибо за подсказку.

– Ну, как говорится, с Богом... Действуй.

Глава VI

Второй раз идти на улицу Кедровую пешком Голубев поленился. Поехал в служебном милицейском УАЗе. Миновавшее зенит майское солнце основательно высушило после вчерашней грозы придорожную мураву, на которой дремали разморенные теплом куры. Как и утром, на улице царили тишина и покой. Пахомов, к сожалению, еще не вернулся с рыбалки. На вопрос Голубева: когда он может вернуться? – шуплая, с поблекшими глазами супруга Андрияна Петровича, прищурясь, посмотрела в безоблачное небо и ответила неопределенно: «Если не останется на вечернюю зорьку, скоро будет дома». Чтобы не сидеть сложа руки в ожидании, Слава развернул УАЗ и направился к участковому инспектору милиции Анатолию Кухнину. Попетляв по переулкам и окраинным улочкам, минут через десять остановился у добротного дома, огороженного забором из штакетника, с тесовыми воротами и калиткой.

Высокий, в плечах кося сажень, Кухнин смуглостью лица и черными как смоль волосами походил на заправского цыгана. Он имел четверых сыновей-погодков, младшему из которых было всего лет девять, и постоянно сетовал, что для прокорма такой оравы приходится держать большое подсобное хозяйство. Для обеспечения семьи мясом основной упор был сделан на кроликов. Ушастых «проглотов» в кухнинском хозяйстве ежегодно вырастало не менее полсотни штук. Когда Слава вошел в просторный ухоженный двор, Анатолий ремонтировал дверь крольчатника. Поздоровавшись, оба уселись на березовые чурбаки. Не дожидаясь вопросов, Кухнин сразу сказал:

– Звонил мне Лимакин насчет Царькова. Никогда бы не подумал, что безобидный поэт так печально закончит жизнь.

– Что о нем знаешь? – спросил Голубев.

Участковый помедлил с ответом. Тяжело вздохнув, заговорил сердито:

– Больной человек, контуженный на бессмысленной войне. Страшно сказать, сколько здоровых парней окалечили! И теперь дуракам неймется. Едва вылезли из Афгана – в Чечню влезли. Не могли миром решить проблему народа, который, кроме кинжала, ничего в руках не держал... – Кухнин поморщился. – Ладно, помолчу о политике. Тут, если что не так, не наше дело, как говорится, Родина велела.

– Ого! – воскликнул Слава. – И тебя на стихи повело?

– От деда Пахомова нахватался. Да и Гоша Царьков заколебал. Как ни встретит, первым делом: «Толян, послушай, что вчера сочинил». Месяц назад ненароком обидел мужика. Он только начал новый опус: «Солнце вышло из-за тучи», а я сдуру ляпнул: «Но, увидев дурака, снова скрылось в облака». Гоша умолк, будто под дых его ударили, и перестал со мной здороваться.

– Не понял юмора?

– С юмором у Гоши было все в порядке, но, когда замечал пренебрежение к его стихам, обижался, словно малолетний ребенок.

– Непризнанным гением Федором Разиным не называл себя?

– Да ты что! Всегда представлялся: «Георгий Царьков, талантливый поэт». Однажды ему заметил, мол, не скромничаешь, Гоша вроде удивился: «А чего, Толян, скромничать? О скромности надо кричать, иначе ее никто не заметит».

– Друзей много имел?

– Наведывались к нему иногородние сослуживцы по Афганистану. Водочку пили, разговоры вели да песни на Гошины стихи об Афгане пели.

– Ты с ними не выпивал?

– С какой стати? В чужие компании никогда не лезу. Тем более что в Афгане я не был и говорить мне с ними не о чем. Дед Пахомов у них был почетным гостем. Умеет старик о

высоких материях пофилософствовать да об Отечественной войне красочно рассказать... – Кухнин помолчал. – Недавно видел приехавшего к Гоше крутого толстяка в кожане. Пальцы веером, сопли пузырем. Хотел проверить документы, но он быстро укатил. После Гоша мне сказал, будто это распространитель его книг был. Только, судя по виду, для этого, с позволения сказать, распространителя стихи – как язык суахили.

– О финансовых долгах Царьков не говорил?

– Не было у него долгов. София Михайловна содержала бывшего супруга в достатке. И книги его в издательствах оплачивала.

– Ради чего?

– А чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало.

– Почему их семейная лодка развалилась?

– По-моему, из-за Гошиной инфантильности, хотя сам он свою вину не признавал. Как-то я сказал ему: «Другой на твоём месте за такую жену, как Соня, держался бы двумя руками, а ты, будто капризный несмышлениш, в упор не видишь ее забот». Гоша расхохотался и ответил частушкой:

У меня была жена, она меня любила,

Изменила только раз, а потом решила:

Эх, раз! Да еще раз!

Да еще много-много раз...

– Погуливает София Михайловна?

– Наверно, не без этого. Как говорит дед Пахомов, Сонечка – женщина репродуктивного возраста. Природа требует, чтобы она пополняла демографическую копилку страны, а Гоша напрочь игнорировал супружеские обязанности.

– Сказывалась иная сексуальная ориентация?

– Нормально ориентировался мужик в бабах, но словно не замечал их. Вероятно, последствия контузии дали о себе знать.

– Выпивал Царьков часто?

– Никогда не видел его пьяным.

– И в скандалы не ввязывался?

– Нет. После звонка Лимакина я много версий перебрал, но так и не решил, каким сволочам Гоша перешел дорогу.

– Может, бывшей супруге он мешал создать новую семью...

– И Соня решила избавиться от него?

– Да.

– Сомневаюсь. Царьков никаких препятствий в устройстве личной жизни Соне не чинил. Заботу о Гоше София Михайловна проявляла по своей собственной воле. Да и женщина она серьезная, не какая-нибудь сорвиголова.

– Откуда у нее богатство?

– Пути обогащения российских бизнесменов неисповедимы. Интересоваться у новых русских источниками их доходов так же неприлично, как в доме повесившегося говорить о веревке. На эту тему потолкуй с дедом Пахомовым. Старик по-соседски знает всю подноготную Царьковых.

– А что за домработница у Софии Михайловны?

– Точнее сказать, экономка. Яна Золовкина. Тридцатилетняя эффектная дамочка с очаровательными глазками.

– Местная?

– Из Новосибирска. Мастер спорта по стрельбе из боевого пистолета. Работала тренером в городском тире и занималась самбо в спортклубе «Динамо». Теперь заведует у Царьковой домашним хозяйством. По совместительству – телохранитель.

- Редкая для женщины специальность.
- Редкая, да меткая. Такую девушку подножкой не повалишь.
- Незамужняя?
- Состоит в гражданском браке, точнее – сожительствует, со жгучим брюнетом баскетбольного роста с окладистой бородкой и усами. По документам – Валентин Павлович Сапунцов. Служит охранником в коммерческой фирме «Эталон-плюс». Мне назвался коллегой. Дескать, до «Эталона» служил участковым в Центральном РОВД Новосибирска. Общительный рубаха-парень. Живет в Новосибирске.
- И как они общаются?
- Наверное, Золовкина туда ездит. В прошлом году он сюда несколько раз приезжал в «мерседесе». Но нынче что-то я ни разу его не видел.
- А к Софии Михайловне кто приезжает?
- Мужчины к ней не ездят. Она сама постоянно в разъездах. По уши в коммерции. За последнюю пятилетку впервые выкроила месяц на отдых за границей. И вот в ее отсутствие какие-то идиоты сожгли Гошу. Выбрали, сволочи, момент, когда мужик остался без пригляда.
- Тебя это не настораживает?
- Скорее озадачивает. Преступники были явно осведомлены, что Соня в отъезде. Но отыскать этих сволочей так же сложно, как найти живого свидетеля падения Тунгусского метеорита.
- Не усложняй ситуацию, – оптимистично сказал Голубев. – Не так черт страшен, как его малюют.
- Кухнин скептически скривил губы:
- Дед Пахомов на этот счет приводит английскую поговорку: «Знакомый черт лучше незнакомого».
- Считаешь, что это дело рук залетных гастролеров?
- Не сомневаюсь, но не могу понять, с какой целью совершено убийство. Безобидный Царьков был гол как сокол. Никакой наживы убийцы от него не могли получить.
- Он много книжек наиздавал, а обыватели считают, будто авторы гребут деньги лопатой...
- Да в нашей округе малолетние пацаны и те знали, что Гоша только издает книги, но ни хрена за них не получает. Царьков бескорыстно раздавал свои произведения с автографами направо и налево.
- Даже не пытался их продавать?
- Кому они нужны, кроме самого Гоши?.. – Кухнин, повертев в руках поднятую с земли щепку, отбросил ее в сторону. – Вертится у меня мыслишка: не связано ли это убийство с бизнесом Софии Михайловны? Допустим, рэкетеры вымогали у Царьковой куш, но она отказалась бросать деньги на ветер. Чтобы запугать строптивую бизнесменшу, гангстеры прикончили бывшего мужа. Подтвердить или отвергнуть такую версию может только София Михайловна.
- Ты проконтролируй, когда она вернется из-за границы, и сразу сообщи мне. О других наблюдениях тоже незамедлительно информируй.
- Об этом мог бы и не напоминать.
- Лишнее напоминание не повредит, – Голубев протянул Кухнину руку. – Будь внимателен, Анатолий. Поеду к Пахомову. Может, дедок уже вернулся с рыбалки.

Глава VII

Пахомов оказался ростом и богатырской комплекцией под стать Кухнину, только возрастом был раза в два старше участкового. Седой как лунь старик в брезентовом рыбацком наряде сидел на крыльце своего дома и приматывал изоляционной лентой к длинному бамбуковому удилищу катушку с капроновой леской. Когда Голубев представился и передал привет от Антона Бирюкова, Андриян Петрович откровенно обрадовался:

- Не зазнался на прокурорской должности Антоша! Помнит земляка, а?
- Помнит, – сказал Слава.
- Как здоровье у Антона Игнатьевича?
- Не жалуется.

– Молодец! У него крестьянская закалка. Школьником, бывало, таскал на горбушке мешки с пшеницей наравне с мужиками. Бирюковская порода жилистая. Антошкин дед Матвей сто пятнадцать лет прожил. Папаша – Игнат Матвеевич, мой ровесник, до сей поры хвоями не страдает. Наведывался я нынче к нему в Березовку. Погостевал, окуней на Потеряевом озере вместе половили. Правду сказать, рыбалка стала намного хуже, чем в былые годы. Паскудники браконьеры даже пиявок в водоемах поубивали электрическими удочками. Придумал какой-то изверг эти приспособления! Вся живность от них гибнет. Сегодня полный день провел на пруду, а добыча – сиротская. Полтора десятка карасей изловил да одного отчаюгу карпа упустил. Здоровенный карпина брался. Прочная леска, будто паутинка, лопнула.

– Андриян Петрович, я приехал к вам по делу Георгия Васильевича Царькова, – осторожно сказал Голубев.

Румяное от солнышка лицо Пахомова стало хмурым:

– Мотя Пешеходова, как сорока на хвосте, успела передать мне нехорошую весть. Царьков-то, догадываюсь, погиб?

– К сожалению, так.

– Вот печаль-то какая... – старик покачал белой головой и посмотрел Славе в глаза. – Тебя как зовут?

– Вячеслав.

– А по отчеству?

– Дмитриевич.

– Во внуки мне годишься. Не осерчаешь, если буду на «ты»?

– Не осерчаю.

– Ну, садись рядом да поговорим ладком.

Чтобы Пахомов не увел разговор в сторону, Голубев, усевшись на крыльцо, сразу сказал:

– Следствию нужны факты, позволяющие раскрыть серьезное преступление.

Старик, задумавшись, поджал обветренные губы:

– Нищеговорил: «Фактов не существует, есть только интерпретация». Исходя из этого, Вячеслав Дмитриевич, об одном и том же явлении можно услышать разные суждения. Согласен или станешь возражать?

– Согласен. В розыскной работе каких только суждений не наслушаешься.

– По-другому и быть не может. Единомыслие в России пытались ввести только два человека: Козьма Прутков да товарищ Сталин. Из этой затеи не вышло, мягко говоря, ничего. Все люди индивидуальны. Заставь десяток художников нарисовать один и тот же пейзаж, и каждый из них нарисует картину по-своему. У каждого свой взгляд, свое мнение. Вот и мы с Мотей Пешеходовой перед твоим приездом разошлись во мнениях о Гоше Царькове.

– Мнение тети Моти я знаю, – сказал Слава. – Теперь хочу услышать ваше.

– Слушай внимательно и мотай на ус. С разными пьянчужками, как считает Матрена, Царьков не возжался. Приезжали к нему афганские однопольчане. Водку и пиво привозили, однако вакханалий не учиняли. Воспоминания вели дружеские, без вопросов: «Ты меня уважаешь?» или настоятельных требований: «Пей до дна!»

– Царьков любил выпить?

– В одиночку никогда не пил. За компанию поднимал чарку, но не до икоты. Меру знал. Водка – национальный напиток россиян. Еще при советской власти армянскому радио задавали вопрос: «Какой русский мужик водку не любит?» Радио ответило: «Мертвый». Шутка, а доля правды в ней есть. Теперь заядлые коммунисты трубят: «Обнищал народ! От безысходности самогон хлещет, спивается!» А при их правлении мы разве коньяки да массандровские вина смаковали?.. Самогон – напиток бедных. Это правильно. Так ведь и при развитом социализме деревня сплошь выезжала на самогоне. Тридцать лет назад сын привез городскую невесту. Барышня из себя, как поет Пугачева, «вся такая, блин, такая». На асфальте выросла. Лакированные сапожки в селе грязью испачкала. Вышла тишком в сенцы. Там стояла пятидесятилитровая фляга, полнехонькая прозрачной как слеза воды. Зачерпнула горожанка ковшиком, вышла во двор и стала отмывать обувь. Моет и не может понять: почему чистейшая на вид вода так дурно пахнет? Жених, выбежав к ней, ахнул: «Надюха, ты чем сапоги моешь?! Это же самогон, приготовленный на нашу свадьбу!» Сноха до сих пор не может вспоминать тот случай без смеха.

Голубев улыбнулся:

– Случай действительно юморной.

– Юмор юмором, однако скажу тебе, Вячеслав Дмитриевич, серьезно. Теперешняя жизнь в России, конечно, не сахар. Да и при коммунистах она была не сладкий мед. Величайшее завоевание социализма – торжество фразы. Величие Советской державы шло в одном флаконе с нищетой, а благополучие – с позором. И вот что интересно: многие россияне тоскуют по такому абсурду. Мои ровесники, ветераны Отечественной войны, получают хорошие пенсии. Чего не жить на заслуженном отдыхе? Нет, кучкуются с оппозиционерами, требуют возвращения в светлое прошлое. Зачем? Могу понять осужденных арестантов. Их сколько ни корми, они все равно на волю смотрят. А эти-то, звонари медальными побрякушками, какую радость в соцлагере забыли? Раскулачивание, репрессии, продуктовые карточки и талоны или вместо денег смех один?.. Бессмыслица похлеще, чем телега без колес.

– Вы правы, – сказал Голубев. – Умные люди добровольно не хотят хлебать баланду и в исправительно-трудовой лагерь не просятся. За колючую проволоку попадают из-за глупостей.

– Глупости надо делать с умом, иначе получается с разбегу об телегу. Так было и у коммунистов. Хотели сделать жизнь сказкой, а вышло точно как в сказке: карета превратилась в тыкву, принцесса – в Золушку, а лакеи – в крыс. И вот все у нас так. Когда меня спрашивают о будущем, отвечаю словами Марка Аврелия: «Не теряйте мужества – худшее впереди». Жизнь невозможно повернуть назад. Все ошибки уходят в прошлое, прошлое невосвратимо, значит, ошибки неисправимы. Согласен, а?..

– Что кануло в Лету, того никакими стараниями не поправишь, – согласился Голубев и сразу попросил: – Андриян Петрович, расскажите о Царькове.

Пахомов кончиком языка облизнул верхнюю губу:

– Царьков уже явился на суд небесный, на тот суд, который всякому воздаст по делам его.

– Проанализируйте поступки Георгия Васильевича. Вот, скажем, подпивши, он мог ввязаться в драку?

– Опыняет душу человеческую не одно вино. Опыняют еще и страсти: гнев, вражда, ненависть, ревность, месть и многие другие, между которыми бывают даже благородные побуждения. Поэтому нет ничего труднее, как анализировать душу и сердце человека... – старик, словно вспоминая, помолчал. – На моей памяти Гоша ни в какие безобразия не ввязывался. У

него была одна, но пламенная страсть – поэзия. От этой страсти рухнула его семейная жизнь. Ты не пробовал сочинять стихи?

– Даже в мыслях этого не было.

– Счастливый ты парень. Бог тебя уберег от тяжелой болезни, которая зовется графоманией. Болячка эта неизлечима. Поразив душу в молодости, она гложет человека до глубокой старости. Знаю об этом не понаслышке. Сам – графоман с большим стажем. Сочинительством занялся, едва осилив грамоту. К концу десятилетки накопил две толстые тетрадки стишат. Намеревался поступить в Литературный институт, да Отечественная война помешала. Забрали восемнадцатилетнего паренька в пехоту и отправили на фронт. Попал в самое пекло. Повидал такое, чего ни в сказке сказать, ни пером описать. Фашисты перли напролом, а мы – ни тпру, ни ну, ни кукареку. У них даже песни были угрожающие: танки идут, самолеты летят и все такое мощное. А у нас: «Эх, тачанка-ростовчанка, все четыре колеса!» И вот прет на меня, лежащего в самодельном окопчике, бронированное чудовище, а, кроме бутылки с зажигательной смесью, остановить его нечем. Вскликаю с поллитровкой в руке и ору что есть мочи: «Стой, курва!». Не слышит он, вражина, моего угрожающего крика и, даже загоревшись, не останавливается. Второй бутылки, чтобы разжечь костер поярче, в запасе нету. Единственное спасение – ноги. Так вот на своих двоих рысью и прогарцевал я до Москвы, пока маршал Жуков не заставил остановиться. Обратный путь, от Москвы до Берлина, уже на бронетехнике одолел. Домой вернулся в двадцать три года с белой, как свежий снег, головой. Человеческие нервы не из молибдена сделаны, и всякие срывы бывают. Такая вот арифметика...

– После войны не пытались поступить в Литинститут? – заинтересовавшись рассказом ветерана, спросил Слава.

– За военные годы отец искурил мои тетрадки со стихами. Для сочинения новых свободного времени не стало. Голодно было после войны в Березовке. Колхоз обнищал, завалился. Это уж после Игнат Матвеевич Бирюков, вернувшись с фронта полным кавалером орденов солдатской Славы, на ноги его поставил... Родители мои состарились. Пришлось на краткосрочных курсах выучиться на тракториста и от зари до зари тянуть механизаторскую лямку. Графоманский зуд возобновился у меня в хрущевскую пору, когда культ личности развенчали. Взялся за перо – вроде получилось. Отправил пару стихов в районную газету. Их напечатали. Послал еще – тоже проскочили. Я осмелел. Запустил большой пакет в «Сибирские огни». Опять победа! Опубликовали подборку на двух журнальных страницах. Познакомиться со мной приехали из редакции поэты Саша Плитченко и Гена Карпунин. Похвалили, помогли составить сборничек карманного формата. Новосибирское издательство его одобрило, но хрущевская «оттепель» уже кончилась, и областной цензор, чтоб ему долго жить, зарубил мой труд. Де, мол, стихи антисоветские, подрывают устои социализма. Такой приговор ударил меня по рукам. Идти на сделку с совестью и восхвалять репрессивную власть я не мог ни за какие коврижки. На то были причины. Родители мои, имевшие до революции середняцкое хозяйство, оказались кулаками. Колхозники до хрущевской поры, как рабы, горбачились за копеечные трудовые, и паспорта им не давали, чтобы не улизнули из колхозного ярма. Со мной, защитником Отечества, власть тоже поступила, как последняя проститутка. Когда я стал ей не нужен, демобилизовала из армии без копейки в кармане. Дескать, благодари, солдат, Бога, что жив остался. Косточки других, павших в боях за Родину, до этих пор не захоронены и тлеют в лесных урманах...

Голубев воспользовался возникшей паузой:

– С Царковым вы на почве стихов сблизились?

– Пушкин писал: «Бывают странные сближенья». Так и у нас с Гошей произошло. Контуженный душманами молодой человек потянулся к деду-ветерану, сохранившему ясность мышления. Наверное, сказалось нечто общее в наших судьбах. Гоша впал в стихотворство, как и я, будучи школяром. Первые его стихи напечатали «Пионерская правда» и журнал «Мурзилка».

Прочно оседлать крылатого Пегаса парню, как и мне, помешала война. Из Афганистана Гоша вернулся с разmozженным затылком. А в задней части черепной коробки находится мозжечок, который влияет на равновесие тела и координацию движений. Врачи сумели поставить инвалида на ноги, однако повреждение мозжечка периодически давало себя знать, и Гошина походка становилась как у матроса в тот момент, когда корабль уже перевернулся. По-другому говоря, ходил будто пьяный. А в последние годы вспыхнул у него рецидив графомании. Имея большую голову, писать хорошие стихи невозможно. Получается безликость языка либо вычурность, когда рождаются нелепые загогулины, типа «Бледный месяц на пруду качает падшую звезду». Здорово, но непонятно. Объяснить, в чем тут секрет, или сам сообразишь?

– Уже сообразил, – не задумываясь, сказал Слава.

– Молодец, быстро смекаешь... А до Гоши такие нюансы доходили туго. Приведу один пример... Приносит он мне стихотворение, посвященное женскому дню. Читаю: «Российская женщина, русская мать, не знаю, каким тебя словом назвать!» Говорю: «Друг мой, надо думать не только о рифме, но и о смысле. Так ты можешь дорифмоваться до: “Гулять, твою мать!”». Поскучнел поэт: «Спасибо, Петрович, учту». Но никакой урок не шел ему впрок. Так и продолжал рифмовать Жучку с закорючкой. Случались у него и откровенные заскоки. Прошлой зимой прибегает возбужденный: «Петрович! Гениальное начало стиха придумал, послушай: мороз и солнце – день чудесный». «Еще ты дремлешь, друг прелестный», – сразу продолжил я. Гоша себя – кулаком по лбу: «Идиот! У Пушкина слямзил строку и обрадовался, гениальный дурачина»...

– Андриян Петрович, а у Царькова не было заскоков, когда он называл себя непризнанным гением Федором Разиным? – вставил вопрос Слава. Заметив на лице Пахомова недоумение, тут же добавил: – Так он назвался кладбищенскому сторожу накануне своей трагедии.

– Федором Разиным? – уточнил старик.

– Или Дразиным. Сторож толком не расслышал.

– Сторожит кладбище, кажется, Митя Чибисов?

– Да, Митрофан Семенович.

– Я с ним в автохозяйстве работал. Он же глухой, как чурка. Говорит, Федор Дразин?..

– Да, так.

– Федор Дразин... – задумчиво повторил Пахомов и через несколько секунд хлопнул ладонью по коленке. – Это ж наверняка Теодор Драйзер!..

– Какая связь между поэзией и прозаиком Драйзером? – удивился Голубев.

– Никакой связи нет. Это шутка пенсионера Моментовича. Жил на нашей улице мой ровесник, бывший адвокат. До революции его мамаша была кухонной служанкой у венценосной семьи последнего российского монарха. На основе ее воспоминаний адвокат настроил роман о Николае Втором. Опус получился, прямо сказать, неважнецкий. Ни одно издательство не взялось его напечатать. Сидели мы как-то вечером с незадачливым романистом на этом крылечке и обсуждали свои неудавшиеся судьбы. Неожиданно Гоша Царьков появился. Моментович сразу: «Еще один непризнанный гений! Теодор Драйзер!» Царькову эта фраза втемяшилась в голову. Иногда Гоша вспоминал ее ни к селу ни к городу.

– Не предвидел я такого оборота, – признался Слава. – Считал, что под этим скрывается нечто серьезное.

– Как заметил некогда Эдгар По, мудрость должна полагаться на непредвиденное, – голосом доброжелательного наставника сказал Пахомов.

– В нашей работе, Андриян Петрович, непредвиденного хоть отбавляй. Случай с Царьковым вообще – темный лес...

– Преступники, Вячеслав Дмитриевич, распоясались от безнаказанности. Живем точно по Марксу: «Того, кто украл булку, посадят в тюрьму. А тот, кто украл железную дорогу, будет выбран в парламент».

Голубев перечислил несколько версий гибели Царькова, но Пахомов назвал их несостоятельными. По словам старика, долгов – ни больших, ни малых – у Гоши не было, так как оплачивала его самиздатовские книги София Михайловна – женщина умная и не злобная. На рэкет она не жаловалась, хотя Андриян Петрович, беседуя с ней о разгуле преступности, задавал такой вопрос. Личных врагов, которые могли бы свести какие-то счета, покладистый Царьков не имел. Если же участковому Кухнину кто-то из Гошиных посетителей показался уголовником с растопыренными пальцами, так это предвзятость, вызванная чрезмерной подозрительностью Анатолия, который в каждом незнакомце видит потенциального преступника.

– Кухнин – опытный сотрудник милиции. Предвзятостью он не грешит, – возразил Слава.

– Значит, ошибается, – упрямо сказал Пахомов. – Наверное, Максим-толстый попал к нему на подозрение.

– Кто это такой?

– Книжный продавец. Фамилию не знаю. Месяц назад Гоша в разных газетах и по местному телевидению дал объявление: «Требуются молодые люди для реализации книг. Оплата пятьдесят процентов от каждого проданного экземпляра. Цена договорная». Вскоре Максим подкатил. Взял у Гоши без предоплаты типографскую упаковку книг и пропал бесследно.

– Он местный житель?

– Не знаю.

– На какой машине приезжал?

– На черном японском внедорожнике с никелированными наворотами.

– Как сам выглядит?

– Издали – брито-спортивной наружности. Вблизи – пузатый увалень с пятью волосинками в шесть рядов на лысине. Вылитый Фантомас. Возраст годов под тридцать. Одет был в спортивные брюки и кожаную куртку на молнии.

– Других книжных продавцов не было?

– Прибегали пигалицы школьного возраста, парни какие-то приезжали в «жигулях». Полистали Гошины сочинения, поморщились и ничего для реализации не взяли. На том Гоша и успокоился. Больше объявлений не стал давать.

– Дорого обходилось издание его книг?

– В последний сборник София Михайловна двадцать пять тысяч вбухала.

– Откуда у нее такие деньги?

– Из магазина «Три мушкетера».

– А первоначальный капитал где взяла?

– Всенародное несчастье ей помогло. В разгул приватизации, когда смелые грабили Россию явно, а трусы тащили тайком, Соня работала в Агропромбанке. Оформила там большой кредит. Вскоре, как известно, стараниями московских жуликов агропромовская копилка с треском лопнула и возвращать кредитные деньги стало некуда. Главный столичный вор, хапнув миллиарды, как пушкинский Дубровский, скрылся за границу и живет там посвистывая. А София Михайловна в полном соответствии с законом обзавелась винным магазином. Теперь пластается из всех силенок, чтобы в финансовую трубу не вылететь. В России, по определению Саввы Морозова, легко богатеть, а жить трудно.

– Слышал, будто Царькова построила дворец хлеще, чем у главы районной администрации, – сказал Голубев.

Пахомов иронично подмигнул:

– Главу района, пожалуй, не перецеполяла, но коттедж получился славный, в два этажа с мезонином.

– Зачем одинокой женщине такие хоромы?

– Это на российский взгляд – хоромы, а по зарубежным меркам – нормальное жилье. Привыкли мы обитать в лачугах да малогабаритках. Многие из зависти теперь осуждают новых

русских. Всех, кто сориентировался в рыночной неразберихе, считают заклятыми врагами и ворами. У меня другое мнение: кому карман позволяет, пусть на месте лачуг возводят дворцы. Недвижимость за границу не увезут. Все новостройки в России останутся. Красивее от них наша земля станет.

– Раньше София Михайловна жила здесь, на Кедровой?

– Здесь, как только они с Гошей поженились. Исключительно трудолюбивая женщина. Успевала и в доме прибрать, и постирать, и овощные грядки в огороде прополоть.

– Теперь, наверное, прислугу содержит?

– Из прислуги у нее в коттедже постоянно живут только сторожиха Галина Григорьевна, женщина в годах, с обученной овчаркой да, как говорили в старину, ключница Яна Золовкина. Новосибирская спортсменка, которая заведует всем хозяйством. Молодуха, скажу тебе, с перчиком. Лицом и статью красна, на язычок остра, в работе шустра.

– И при всех расходах Царькова еще оплачивает стихотворство бывшего мужа. Неужели такой великодушный жест вызван страстной любовью?

– В русском языке слово «любить» равнозначно слову «жалеть». София Михайловна оберегала бывшего супруга из жалости. Клятву она дала мучительно умиравшей свекрови, что ни при каких обстоятельствах не бросит Гошу на произвол судьбы. При мне это было. Нина Сергеевна на моих глазах скончалась. Я и похороны ее организовывал. Гоша при смерти матери впал в такой транс, что практически ничего не сообщал.

– А до того каким он был?

– Вполне нормальным. Стихов не писал. С помощью афганских сослуживцев успешно занимался предпринимательством. Подержанную «тойоту» купил, Софию как куколку нарядил и сам одевался неплохо.

– Разводились Царьковы мирно?

– Без проблем. Собственно говоря, развода как такового не было. Просто Гоша наотрез отказался переезжать из родительского дома в коттедж. По просьбе Софии Михайловны я уговаривал его не супротивиться. Он – ни в какую! Дескать, в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань. Возможно, правда была на его стороне. Когда жена тянет семейный воз, словно ломовая лошадь, а муж витает в облаках, трудно ужиться под одной крышей. Согласен, а?..

– С этим трудно не согласиться, – сказал Слава. – Пешеходова тоже что-то в этом роде мне говорила.

Пахомов усмехнулся:

– Матрена может наговорить сорок бочек арестантов. Она, как магнитофон, запоминает чужие слова, но свои мысли у нее на уровне куриных. Чего ты хочешь от пожилой женщины, которая не отличает «Трех мушкетеров» от «Трех богатырей»? Часто приходится одергивать старую. Серчает! По соседям трещит, будто критикой допекаю Гошу. Да если бы я не критиковал его, он бы сочинял несусветную чушь либо чужие стихи под своей фамилией публиковал. А еще по просьбе Софии Михайловны я следил, чтобы Гоша не увлекался алкоголем. Надо отметить, тут он к моим словам прислушивался.

– Стоило ли Царькову вообще выпивать?

– Не только выпивать, но и напрягать голову сочинительством не стоило. Разными путями пытался его сдерживать, мол, Гоша, не суетись, нажми на тормоза. Приводил ему чеховское высказывание о том, что писатель должен писать много, но не должен спешить. В этом отношении все советы отлетали от него, как от стенки горох. Оттого и получалось рифмованное пустозвонство...

С Пахомовым Голубев расстался перед закатом солнца. Андриян Петрович проводил Славу до калитки, попросил его передать низкий поклон Бирюкову, а напоследок сожалеючи проговорил:

– Тяжкая судьба выпала Гоше Царькову. Сложное нынче время, точно по Пушкину: «И всюду страсти роковые, и от судеб защиты нет!»...

Глава VIII

Хмурое утро к началу рабочего дня посветлело. Ожились, защебетали птицы, порхающие в кронах зазеленевших тополей. На продолговатой клумбе у входа в прокуратуру проклюнулись бутончики ярко-оранжевых весенних цветов. В поисках нектара по ним деловито елозил толстый мохнатый шмель с золотистой полоской на брюшке. Голубев, миновав прохладный вестибюльчик, легко взбежал по лестнице на второй этаж прокуратуры. Кабинет следователя оказался закрытым. В светлой приемной комнате чернобровенькая секретарша Оля, стоя перед висевшим на стене овальным зеркалом, старательно подкрашивала и без того алые губки.

– Оленька, не порть личико! Шеф у себя? – на одном дыхании выпалил Слава.

– У себя, проходи, – скосив взгляд на обитую дерматином дверь, тихо ответила секретарша и, словно застыдившись, спрятала тюбик с помадой в косметичку.

Бирюков отодвинул в сторону лежавшую перед ним стопку деловых бумаг. Пожимая вошедшему в кабинет Голубеву руку, сказал:

– Садись. Лимакин задержался в морге у Медникова. Оформляет постановление о назначении экспертизы для идентификации лица потерпевшего по компьютерному фотосовмещению.

– Я, Игнатыч, уже не сомневаюсь, что в сгоревшей «тойоте» обуглился Георгий Васильевич Царьков, – присаживаясь возле прокурорского стола, категорично заявил Слава.

– Сомнения могут возникнуть у судей, если не представим неопровержимые доказательства. Лимакин придет с минуты на минуту. Тогда совместно обсудим всю информацию и наметим план дальнейшей работы. Встретился вчера с Пахомовым?

– Встретился. Низкий поклон тебе от Андрияна Петровича. Колоритный ветеран.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.